

# Глава 1

## Жизнь среди ископаемых

Окаменелые останки живут в глубинах моей памяти. Условия существования нашей семьи в Чикаго 1970–1980-х годов, во времена моего детства, можно, так уж и быть, назвать «городской средой». Даже двор позади нашего дома на шесть квартир был залит бетоном. Денег на дальние поездки в отпуск всей семьей не было, так что местом для вылазок на природу время от времени становился соседний штат Индиана: почти каждое лето мы отправлялись на отдых в национальный парк «Индиана Дюнс». Прекрасно помню, как наш древний маленький зеленый «Датсун» ехал по трассе Чикаго — Скайуэй: окна машины были открыты из-за жары, но затем быстро закрывались, когда мы добирались до мест, где от сталеплавильных фабрик и лакокрасочных заводов шел едкий дым, а огромная мусорная свалка, которая каждый год становилась все выше, издавала тошнотворную вонь.

Когда мы наконец добирались до города Гэри, воздух становился чище, а вокруг шоссе вдоль озера Мичиган появлялся лес, где росли дубы, гикори и трехгранные тополя. Почва была присыпана песком, и время от времени наш взгляд улавливал за рядами деревьев соблазнительные проблески голубой воды, искрящейся на солнце. Моей первой любовью, собственно, и были дюны — изумительные произведения, созданные совместным трудом мощных северных ветров, роскошной береговой линии и непритязательной прибрежной растительности с ее крепкими стеблями и запутанными корнями; этот травяной покров берет в плен носящийся в воздухе песок и придает ему форму гигантских холмов и гребней. Чтобы взобраться на верхушку дюны,

требовались серьезные усилия, в особенности для ребенка, выросшего на Среднем Западе с его низенькой застройкой. Но помню, что не было для меня большего подвига, чем залезть на дюну, и более волнительного момента, чем стремглав с нее спуститься. Каждый следующий шаг давал ощущение полета, пока под действием силы земного притяжения мои ноги не утопали в головокружительном песчаном склоне.

Плавал я робко, так что все время оставался у кромки воды, пока мои сестры резвились, где поглубже. В поисках чудес я охотился за камешками и ракушками. Время от времени это пристальное внимание давало результат — я находил какие-нибудь окаменелые останки, подарок из эпохи силура 400 миллионов лет назад, когда на месте нынешнего озера Мичиган было мелкое соленое море, кишашщее брахиоподами, головоногими моллюсками и кораллами. Много позже я узнал, что в этом была и заслуга ледников. Именно они во время последнего ледникового периода отдраили местный ландшафт, подняв на поверхность окаменелые силурийские отложения.

Искать окаменелые останки в волне прибоя — рискованная игра, наглядный пример ситуации, когда вы должны находиться в нужное время в нужном месте. Когда волна отступает, у вас есть каких-то несколько секунд, чтобы обнаружить след древней истории планеты и установить с ним контакт, пока вода не вернется обратно, клубясь пеной и преломляя солнечные лучи. Дразнящие нечеткие очертания возникают и исчезают — и, быть может, никогда больше не появятся. Находка окаменелых останков всегда казалась мне скорее благословением мироздания, нежели подобающей наградой за упорный труд. Помню, как, бродя нагнувшись по полосе прибоя, я натыкался на свои любимые окаменелые кораллы, изредка встречались мелкие раковины брахиопод, еще реже — отпечатки колоний таких особей, как веерные кораллы. Попадались и примечательные камни, на которых при контакте с водой проявлялись невидимые линии строматолитовых полос — правда, тогда я еще не понимал их природу. Трансформация этих камней в воде была таинственной и волшебной: лишь позже я узнал, что эти строматолиты когда-то представля-

ли собой констелляции фотосинтезирующих цианобактерий — источника всей органической жизни на нашей планете, а заодно и самых древних из всех окаменелых останков. Вместе с *Homo sapiens* цианобактерии претендуют на лавры единственных двух видов, оказавших решающее влияние на среду обитания всех остальных существ, с которыми они соседствовали на планете.

Самой драгоценной моей находкой было крупное и красивое скопление криноид, напоминавшее горсть зерновых хлопьев, вкрапленных в серо-черный камень. Некогда они были увенчаны разноцветными, напоминающими перья пиннулами, которые отфильтровывали планктон из моря, подобно сегодняшним морским лилиям и коматулидам. Криноиды воистину являют собой одну из примечательных историй эволюционного успеха: они настолько живучи и адаптивны, что за последние 250 миллионов лет практически не изменились. Криноиды прекрасно приспособлены к обитанию как в приливных водоемах, так и в глубоких океанских впадинах; они ощущают движение, свет и пищу, перемещаются, плавают и колышутся, предоставляя убежище мелкой рыбешке и креветкам.

Вероятно, с окаменелыми останками так или иначе слегка соприкасался каждый, и если взглянуть на мои воспоминания сквозь призму богатой культурной истории окаменелостей, то сами по себе они не более чем песчинки. Как утверждает историк Эдриен Мейор, недавние археологические и палеонтологические находки подтверждают теорию о том, что обнаруженные людьми окаменелости были источником вдохновения для некоторых созданных человеческим воображением мифологических существ [Mayor 2000]. Ключоносый протоцератопс мог послужить образцом для скифских грифонов, черепа мамонтов — для древнегреческих циклопов и т. д. Кроме того, многие исследователи выдвигали предположения, что китайские и европейские мифы о драконах были вдохновлены окаменелыми останками крупных существ, обитавших в воде и воздухе.

Известно, что окаменелости — в особенности обнаруженные в глубине материков останки морских организмов — привлекали внимание натуралистов и философов на протяжении тысяче-

тий. Многие размышляли над одной общей загадкой, которую видели своими глазами: каким образом ракушки оказались на горных вершинах, явно расположенных вдали от каких-либо водоемов? Такие философы, как Ксенофан Колофонский (570–478 годы до н. э.) и Шэнь Ко (1031–1095), пристально разглядывая окаменелые экземпляры, использовали их для интерпретации изменчивого характера сухопутных и морских пейзажей. Шэню, например, окаменелости помогли создать передовую теорию климатологических изменений. По сути, окаменелости оказались важным фактором, ускорившим становление геологии, а кроме того, они раскрывали природу жизни и смерти. Для великого персидского философа Ибн Сины (981–1037) окаменелые останки определенно послужили источником теоретических представлений о процессе минерализации в его выдающемся медицинском трактате «Китаб аль-шифа» («Книга исцеления»):

Если сказанное по поводу окаменения животных и растений верно, то причиной этого (явления) выступает могучая сила минерализации и отвердения, которая возникает в определенных каменистых местах или внезапно происходит из Земли во время землетрясений и оседания пород, превращая в камень все, что с ней соприкасается [Mc-Kaughan, VandeWall 2018].

Во французском и английском языках слово *fossil*, которым именуются окаменелые ископаемые останки, впервые появилось в середине XVI века; происходит оно от латинского прилагательного *fossilis*, буквально означающего «выкопанный из земли». В первые сто-двести лет своего существования это было широкое понятие — оно относилось к любым интересным или ценным вещам, некогда лежавшим под землей. Например, в написанной в 1565 году книге обладавшего энциклопедическими знаниями швейцарского врача Конрада Гесснера *De rerum fossilium* («Об ископаемых объектах», лат. — Примеч. пер.), которую с полным правом можно считать первым образцом использования данного термина в современном значении, речь шла в основном о минералах. К тому же это был еще и первый европейский на-

учный текст, где анализировались ископаемые образцы и проводилось их прямое сравнение с живыми организмами — в частности, Гесснер отметил сходство между окаменелыми эхиноидами и живыми морскими ежами. Однако представленные на титульном листе книги изображения украшенных драгоценными камнями колец и самоцветов подразумевали, что истинная притягательность вещей, извлеченных из земли, заключалась в богатстве и красоте, которые они сулили. В 1606 году некий сэр Томас Палмер опубликовал книгу, где восхвалялись достоинства путешествий с целью «большого совершенствования» европейских джентльменов — при условии, что путешествия эти сопряжены с почестями и выгодой. По части выгод Палмер советовал путешественникам обращать пристальное внимание на товары посещаемых ими стран, а в особенности на «вещи, спрятанные в венах и утробе Земли... а именно на месторождения металлов и полезных ископаемых (Fossiles), везде, где они имеются в разнообразии» [Palmer 1606: 84].

В этом смысле «ископаемые объекты» указывали на множество интересов Европы раннего Нового времени. С одной стороны, они играли ключевую роль в эволюции научного понимания сил планетарного масштаба, исторических событий и жизни. Как указывает историк Мартин Радвик, «в конце XVII — начале XVIII века дискуссии о том, как следует интерпретировать различные виды “ископаемых”, были почти столь же интенсивны, как и те, что касались, скажем, основных сил природы, конечных принципов строения материи или самой сути жизни» [Rudwick 2014: 38]. Кроме того, с другой стороны, ископаемые объекты привлекали все больший интерес к открытию, раскопкам и эксплуатации ресурсов, лежащих под поверхностью Земли. Именно это сочетание смыслов: минералы, ценные ресурсы, ископаемые — способствовало появлению в середине XVIII века понятия «ископаемое топливо» (fossil fuel). Теоретик литературы Карен Пинкус напоминает, что английское слово «топливо» (fuel) происходит от старофранцузского *foaile*, обозначающего вязанку дров: «Можно утверждать, что топливо появляется в человеческой истории очень рано, в процессе сжигания, неразрывно

связанного с очагом, как один из самых первых следов, оставленных людьми на лице земли» [Pinkus 2016: 12], — то есть еще во времена охотников и собирателей. С другой стороны, словосочетание «ископаемое топливо» выступает прототипическим понятием современности (модерна) и промышленности, которое, в частности, относилось к углю и торфу, выкапываемым из земли для сжигания в процессе плавки, а затем и в качестве топлива для паровых двигателей.

Сегодня понятие «ископаемый объект» сохраняет такое же двойственное значение. С одной стороны, мы ассоциируем этот термин с палеонтологическими открытиями — в особенности с динозаврами (кстати, это было еще одно большое увлечение моего детства). Второе же значение относится к ископаемому топливу — тем источникам концентрированной энергии, которые за последние четыре столетия принесли в мир и невероятную роскошь, и огромные беды. В этой книге я хотел бы сделать акцент на том, как ископаемое топливо и те формы культурной жизни, которые с ним ассоциируются, сами превратились в *ископаемых* глобальной цивилизации.

Понятие «фоссилизация» — процесс образования ископаемых объектов — имеет собственную любопытную историю. Теория Ибн Сины о действующей в мировом масштабе могучей «силе отвердения» относится к гораздо более давней научной традиции, связанной с попытками осмысления процессов биологического формирования. Представления об эмбриологии можно обнаружить в древней египетской, индийской и греческой философии — в полемике о том, какие яйца и семена и в каком количестве необходимы для формирования жизни и для того, чтобы придать жизни форму. В биологии Аристотеля, например, утверждалось, что семя содержит в себе *телос* (конечный результат или цель) взрослого растения; в семени всегда присутствует ожидание зрелой биологической формы. Это телеологическое понимание того, что такое формирование, эволюционировало и со временем, в расширенном виде, стало включать в себя модели, объединяющие все формы жизни. Это представление было одной из составляющих средневековой христианской веры в «великую цепь бы-

тия», алхимического обоснования пресуществления и курьезного преформистского убеждения, популярного в XVII веке, что в сперматозоидах содержатся миниатюрные взрослые существа, известные как гомункулы<sup>1</sup>. Аристотелевская телеология проникла в виталистскую философию и предшествовавшие Дарвину ортогенетические эволюционные модели наподобие ламарковской, в которой рассматривалась *puissance de la vie* (движущая сила жизни, фр. — *Примеч. пер.*), заставляющая организмы безальтернативно эволюционировать от простоты к сложности.

Историческая телеология стала характернейшей особенностью работ Г. В. Ф. Гегеля — пожалуй, самого влиятельного европейского философа XIX века — и многих последующих эволюционных мыслителей. Гегель соединил аристотелевские идеи о семенах и конечных формах с представлением о том, что история движется вперед за счет смены диалектических циклов формализации и отрицания. Ключевым аспектом гегелевской модели всемирной истории выступала фоссилизация. Культура оказывается подобна семени, содержащему в себе гомункула зрелой формы — государства, которое конкретизирует дух и волю народа. Как только тот или иной народ достигает своей цели в исторической борьбе, можно ожидать, что он еще некоторое время будет двигаться по инерции в ископаемом, рутинизированном состоянии, которое Гегель именовал формальной длительностью [Гегель 2000: 122]<sup>2</sup>. Тем временем рождается на свет и затем созревает

<sup>1</sup> Основой преформизма была популярная в XVII–XVIII веках теория преформации, согласно которой зародыш уже сформирован в половых клетках, а его дальнейшее развитие предполагает только увеличение в размерах. При этом преформисты подразделялись на два лагеря: анималькулисты полагали, что зародыш содержится в сперматозоидах, а овисты — в яйцеклетках. — *Примеч. пер.*

<sup>2</sup> В контексте последующих рассуждений автора о геронтократии и власти привычки стоит привести полностью соответствующий фрагмент из «Лекций по философии истории», где Гегель говорит о народах, утративших способность к действию: «Народ живет так, как живет стареющий индивидуум, наслаждаясь самим собой, довольствуясь тем, что он именно таков, каким он желал быть, и что он достиг того, чего он желал достигнуть. Хотя его мечта шла и дальше этого, однако он отказался от стремления к осуществ-

некий новый народ, который выполняет функцию отрицания достижений старого мира, закладывая основу для новой всемирно-исторической главы конфликта и прогресса. В дальнейшем эволюционистам Викторианской эпохи не доставало того тонкого ощущения диалектической случайности, которое было присуще Гегелю. Викторянцы, полагавшие, что они уже надежно закрепились на вершине истории, выражали мировоззрение европейской империи конца XIX века, усматривая в ходе истории поразительную линейность, кульминацией которой становилась современная европейская цивилизация. Олицетворением европейской современности (модерна) оказался технологический прогресс, который постоянно вносил в жизнь революционные изменения, внедряя новые машины в промышленности, устанавливая контроль над миром природы, занимаясь накоплением богатства и роскоши. Все остальное и все остальные (с точки зрения Европы конца XIX века) были ископаемым — историческим реликтом, который должна снести машина европейского модерна. Не случайно, что функционирование и экспансия этой машины всецело зависели от ископаемого топлива.

В отличие от телеологии XIX века, поразительным моментом сегодняшних научных описаний фоссилизации является акцент на том, насколько редок и насколько зависит от определенных условий этот процесс. Для живого существа гораздо более привычна ситуация, когда оно умирает, а затем быстро разбирается на составные части своими соседями по экосистеме, нежели когда оно сохраняет свою форму. Как правило, для образования ископаемых объектов требуется быстрая седиментация (отложение

---

лению этой мечты, если действительность не допускает этого, и задался более ограниченными целями, сообразуясь с этой действительностью. Эта привычка (часы заведены и сами собой продолжают идти) вызывает естественную смерть. Привычка есть ряд действий, в котором отсутствует противоположность, в котором может оставаться лишь формальная длительность и уже не выражаются полнота и глубина цели — так сказать, внешнее, чувственное существование, которое уже не углубляется в суть дела. Таким образом, индивидуумы и народы умирают естественной смертью» [Гегель 2000: 121–122]. — *Примеч. пер.*

осадочных пород), после чего в течение длительного времени необходимо поддерживать высокую температуру и давление. Например, окаменелая древесина образуется лишь в том случае, когда, цитируя одно из научных описаний, «древние деревья, погребенные в осадочных породах или вулканическом пепле... окаменевают, по ходу того как богатая кремнеземом вода просачивается через древесину и медленно замещает ее клеточную структуру яшмой, халцедоном и в отдельных случаях опалом» [Wise 2021]. Древний зоопланктон может превращаться в нефть лишь при особом сочетании температуры, давления и формирования горных пород. При более низких температуре и давлении планктон трансформируется в воскообразный кероген или смолистый битум. Напротив, при слишком высоких температуре и давлении из планктона получится природный газ. При этом для стабильной аккумуляции нефти окружающая порода должна быть достаточно пористой и проницаемой (наподобие песчаника или известняка). Наконец, сверху должен находиться менее проницаемый слой породы, который удерживает нефть на месте и предотвращает ее выход наружу. Несмотря на всю ту власть, которой обладает сегодня нефть над земной поверхностью, в действительности это очень нестабильное вещество в геологическом смысле.

Обращение к хрупкости и неустойчивости ископаемых объектов, на мой взгляд, вселяет надежду. Если фоссилизация является исключением, а не правилом в вопросах жизни и смерти на нашей планете, то, возможно, стоит бросить вызов давней философской и исторической традиции осмыслять развитие цивилизации в качестве эволюции устойчивых форм от большей простоты к большей сложности и даже совершенству. Вместо этого следует обратить больше внимания на постоянство и случайность глобальных метаморфоз. По утверждению философа и историка науки Донны Харауэй,

различные сущие — люди и нечеловеческие существа — дополняют друг друга, слагают и разлагают друг друга в любых масштабах, в темпоральном и прочих регистрах

в симпоэтическом сцеплении, в экологических, эволюционных, расширяющихся и материальных процессах мировости и размирщения (worlding and unworlding) [Haraway 2016: 97] (см. также [Харауэй 2020: 128]).

Разумеется, форма имеет значение, однако она представляет собой лишь один из аспектов переплетения жизни и смерти — вихря «жизнеспирити» (lifedeath), как я предпочитаю осмыслять этот феномен. Таким образом, форма не требует ни почитания, ни страха перед ней. Именно в этом смысле для книги, которую вы держите в руках, имеют определяющее значение два вывода из приведенных рассуждений об ископаемых объектах и их формировании (фоссилизации). Первый из них заключается в том, что фоссилизация происходит в силу особых непреднамеренных причин, которые могут быть тщательно реконструированы. Второй же вывод состоит в том, что даже наиболее устойчивые ископаемые объекты сами подвержены трансформации, зачастую демонстрируя удивительную хрупкость после того, как их извлекают из среды, которая придала им форму.

Нам по-прежнему сложно представить себе цивилизацию за рамками ископаемого топлива — в немалой степени потому, что ископаемое топливо слишком всеобъемлюще проникло в наше культурное воображение, подвергнув представления о будущем углеводородной обработке — придав им форму прошлого, заправленного ископаемым топливом. Точно так же, как окаменевшее дерево, культурные формы, порожденные ископаемым топливом, по-своему ярки и красивы. Но в то же время они представляют собой древние формы жизни, которые, в отличие от криноид, плохо адаптированы к дальнейшему существованию на Земле. Сегодня обилие ископаемых окаменелостей душит жизненные возможности не только людей, но и подавляющего большинства видов на планете. Становится все более очевидным, что у нашей цивилизации ископаемого топлива нет устойчивого будущего. Она лишь продлевает существование экологической пирамиды Понци, отбирая жизнь у бесчисленных видов и благополучие у будущих поколений в обмен на современные чело-

веческие удобства (которые даже между людьми не распределены равномерно!). Окаменелым ископаемым требуются разложение и растворение. Аналогичная участь должна ждать и принадлежащее к тому же окаменевшему древу истории многообразие карбо- и сукроископаемых. В этой книге речь пойдет об истории становления цивилизации ископаемого топлива; далее мы рассмотрим, что именно продолжает затягивать нас в ее тину, и проанализируем, за счет чего мы сможем выбраться из зыбучих песков ее прошлого. Еще одна обнадеживающая вещь, о которой я узнал в процессе работы над этой книгой, заключается в том, что в зыбучих песках на самом деле нельзя утонуть, как это показывают в старых голливудских фильмах. Освобождение происходит медленно, но избавление от остатков прошлого не просто возможно — зачастую оно происходит в силу самого хода вещей.

Впрочем, для тех, кто глубоко застрял, все сказанное послужит небольшим утешением. Так что давайте попробуем вырваться на свободу. Для начала обратимся к истокам той трясины, в которой мы находимся: ведь если мы хотим освободиться, то необходимо понять ее структуры. Нам придется стать охотниками за ископаемыми в приливах и отливах истории, в ее прибое и песке.

## Глава 2

# Сукро-, карбо-, петро-, или Вещи, сделавшие мир, который требуется переделать

Я решил написать эту небольшую книгу потому, что уже давно задаюсь различными вопросами, касающимися первой части словосочетания «ископаемое топливо» — ископаемых объектов. Какие исторические отношения и действия кристаллизованы в сегодняшней петрокультуре? Может ли более четкое понимание того, что именно фоссилизует нас сегодня, открыть пути к лучшим сценариям будущего? Оказывается, что во многом мы и сами окаменели (petrified). Как уже отмечалось ранее, понятие «ископаемое топливо» — дитя европейского модерна. И если обратиться к упомянутым ранее симпоэтическим связям<sup>1</sup>, то

---

<sup>1</sup> Термин «симпоэзис» является одним из ключевых в работе Д. Харауэй «Оставаясь со смутой», которую ранее цитирует автор. Как отмечает философ Б. В. Подорога, симпоэзис у Харауэй — это «существование разнородных процессов, неотделимое от их кооперативного взаимодействия. Есть поистине бесконечное множество симпоэтических отношений, многие из которых могут показаться чем-то прямо противоположным дружественной кооперации (например, конкуренция и паразитизм). Чтобы подчеркнуть симпоэтическую структуру бытия, Харауэй предпочитает называть индивидов “голобионтами” (holobionts), описывая их в качестве не автономных жизненных единиц, а ассамбляжей или сборок, образуемых клетками, органами, существами или группами. В книге “Оставаясь со смутой” симпоэзис — это

благодаря ископаемым видам топлива, в свою очередь, стало возможным практически все, что мы считаем европейским и современным. Но начать рассмотрение этого сюжета с ископаемых растений было бы, пожалуй, неудачным заходом, поскольку они обеспечивали человеческим цивилизациям энергию и тепло на протяжении очень долгого времени, причем по большей части способами, не причинявшими экологических проблем. Например, в Китае добыча угля открытым способом ведется уже не менее 5500 лет. Все это подразумевает, что мы, скорее всего, никогда не узнаем в точности, как давно люди используют уголь, смолу и торф для обогрева и освещения. Вполне возможно, что это происходит столько же времени, сколько люди пользуются дровами. Интересно, что то же самое можно утверждать и о многих разновидностях энергии, которые сегодня принято называть «возобновляемыми». Как давно люди стали греться на солнце? Так было всегда. Как давно люди пытаются поставить себе на службу ветер и воду? Об этом можно только догадываться: нельзя в точности утверждать, где и когда был изобретен парусный корабль, — вероятно, это происходило во многих разных местах в разные периоды времени.

Способы превращения ископаемых растений в ископаемое топливо в действительности очень мало связаны с собственно ископаемыми — гораздо большее отношение они имеют к *фоссилизации* сахарной политики (в дальнейшем я буду употреблять термин «сукрополитика») в рамках европейской колониальной цивилизации. Именно сукрополитика стала решающим катализатором европейского модерна в XVI, XVII и XVIII веках, да и сегодня экоцид как траектория глобального капитализма остается ее существенным наследием. Начнем рассмотрение этой истории с сахарного тростника (*saccharum officinarum*).

Человечество связано с сахарным тростником издревле. Растение *saccharum officinarum* было впервые одомашнено в Новой Гвинее примерно за 8000 лет до н. э., а затем в течение последую-

---

одновременно способ мыслить, исследовательская оптика, тип социальных практик и этико-политическая (экологическая) парадигма» [Подорога 2021: 152]. — *Примеч. пер.*

щих тысячелетий несколькими волнами распространилось по значительной части Азии. Легенда гласит, что армия Александра Македонского, первого великого европейского колонизатора, познакомилась с сахарным тростником в долине реки Инд. Завоеватели придумали ему название «сахарон» — камыш, способный «давать мед без помощи пчел» [Deerr 1949, 1: 63]. В Персии и Индии производство сахара из сахарного тростника началось за несколько веков до того, как исламские и христианские империи распространились по всему миру. Однако этот продукт, приятный на вкус благодаря содержащейся в нем сахарозе, был экзотической диковинкой, и когда в последующие столетия с ним познакомились европейцы, они чаще всего использовали сахар в качестве лекарственного, а не кулинарного средства, причем в гастрономии он выступал драгоценной приправой, а не базовым продуктом питания. Антрополог и историк Сидни Минц в своей выдающейся книге «Сладость и власть» указывает, что «в Северной Европе о тростниковом сахаре практически не знали, возможно, до 1000 года н. э., а в последующие одно-два столетия о нем имелись лишь отрывочные сведения» [Mintz 1985: 23]. В Южной Европе знакомство с тростниковым сахаром состоялось в другой период времени: выращивание тростника и производство сахара пришло в Средиземноморье от Марокко до Сицилии вместе с арабским завоеванием Северной Африки и Испании. У жителей Северной Европы устойчивый контакт с производством сахара возник в эпоху крестовых походов, поскольку воины за веру и стремившиеся к наживе торговцы обнаружили, что он является чрезвычайно выгодным коммерческим продуктом. В таких портовых городах Северной Европы, как Антверпен, Бристоль и Бордо, рафинадные заводы по переработке средиземноморского сахара появились уже в XIII веке. И даже эпидемии чумы, от которых в XIV веке погибла половина населения Европы, принесли производителям сахара косвенные выгоды, поскольку способствовали росту цен на их товар из-за нехватки рабочих рук.

Все условия для европейского сахарного бума сложились в XV веке. На Пиренейском полуострове, где на протяжении

нескольких столетий преобладало исламское технологическое и экономическое влияние, на переднем крае расширяющейся и модернизирующейся сахарной промышленности оказались Португалия и Испания. Пиренейские народы использовали новые типы кораблей наподобие каравеллы, чтобы скачкообразно перемещаться с одного острова на другой, из Средиземноморья в Атлантику, создавая новые сахарные предприятия везде, где только можно. В конечном итоге пиренейцы завезли сахарный тростник даже в такое расположенное далеко на юге место, как остров Сан-Томе у побережья Западной Африки. Колония на Сан-Томе, основанная в 1493 году, и стала образцом для сахарных плантаций, которые в следующем столетии испанцы и португальцы будут расширять в западном направлении — по ту сторону Атлантического океана, в Карибском бассейне и Бразилии.

С точки зрения размеров плантации, универсального использования рабского труда и технологий производства этот атлантический остров [Сан-Томе] ближе всего подошел к тому, что станет нормой для Америки. К 1550-м годам на нем действовало около шести десятков сахарных мельниц, производивших более двух тысяч тонн продукции в год, а на плантациях трудились примерно пять-шесть тысяч рабов — все они были африканцами [Klein H. 2004: 204].

Поиск новых мест для выращивания сахарного тростника сыграл решающую роль в расширении европейских географических открытий и экспансии колониализма в XV–XVI веках. Разумеется, испанцы и португальцы (а позднее англичане и голландцы) заодно искали в так называемом Новом Свете много других вещей: драгоценные металлы, торговые пути, экзотические пряности и новые земли, на которые можно было претендовать от имени своих монархов. Но в практическом отношении именно погоня за сахаром — «белым золотом» — стала движущей силой первого этапа захвата и освоения европейцами колониальных земель. На пространстве от Мадейры и Канарских островов у западного побережья Африки до Бразилии и Карибского бассейна пиренейцы перемещались с острова на остров в поисках

мест, где можно было успешно выращивать сахарный тростник. Не вызывает сомнений, что именно погоня за сахаром была основным фактором расширения трансатлантической торговли, поэтому Колумб не случайно взял саженцы сахарного тростника в свое второе путешествие в Новый Свет в 1493 году. К 1516 году сахарный тростник выращивали с использованием труда порабощенных африканцев на карибском острове Санто-Доминго, где появились первые сахарные плантации в западной части Атлантики. К 1526 году коммерчески значимые объемы сахара стали поставляться в Европу и с бразильских плантаций.

По мере того как сахар становился все более доступным товаром, спрос на него возрастал, в особенности среди европейских элит. Кажущаяся неисчерпаемость спроса — во многом этот момент напоминает сегодняшнюю ситуацию с ископаемым топливом — делала сахар чрезвычайно привлекательным объектом для инвестиций, даже несмотря на то, что для создания сахарных плантаций требовался значительный капитал (спекулятивные риски банкротства также были велики). Таким образом, сахарные плантации представляли собой нечто большее, нежели простые сельскохозяйственные предприятия. С самого начала они обслуживали транслокальные рынки в целях масштабного (по меркам своего времени) накопления богатства. Именно на сахарных плантациях родилось индустриализированное сельское хозяйство, они же были инкубатором глобального капитализма. По утверждению Минца, «плантация была совершенно беспрецедентным социальным, экономическим и политическим институтом, а отнюдь не простым нововведением в организации сельского хозяйства» [Mintz 1964: XIV]. Историки описывали производство сахара как наиболее индустриализированную разновидность человеческой деятельности в мире раннего Нового времени [Sheridan 1969]. В погоне за, казалось бы, неисчерпаемым спросом на сладость промышленность искала новые территории и способы расширения производства сахара, повышения его эффективности и прибыльности.

Таким образом, европейская колонизация XV–XVI веков представляла собой сукрополитическое начинание. А для того

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)